

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Кондинский район
Управление культуры администрации Кондинского района
Муниципальное учреждение культуры «Районный краеведческий музей
имени Нины Степановны Цехновой»

ЦЕХНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020

Доклады и сообщения
третьей научно-краеведческой конференции
(26–27 февраля 2020 г.)

пгт Кондинское, 2020 г.

Ответственные редакторы:

А.В. Ефимова, директор муниципального учреждения культуры «Районный краеведческий музей имени Н.С. Цехновой»,

В.В. Бобров, методист муниципального учреждения культуры «Районный краеведческий музей имени Н.С. Цехновой».

«Цехновские чтения – 2020»: Материалы третьей научной краеведческой конференции. 26–27 февраля, 2020 г./Тюмень: типография «Печатник», 2020.– 256 с.

Издание посвящено 105-летию со дня рождения краеведа, патриота Кондинского края Нины Степановны Цехновой, а так же двум знаменательным датам: 75-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 г. и 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

*Муниципальное учреждение культуры
«Районный краеведческий музей
имени Нины Степановны Цехновой»
выражает благодарность за помощь в издании
настоящего сборника:
Филипенко Александру Васильевичу,
Депутату VI созыва
Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры*

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИЙ XIX – НАЧАЛА XX В. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НИЖНЕЙ КОНДЫ¹

Собольникова Т.Н.

К.и.н., зав. сектором сохранения и использования объектов культурного наследия отдела археологии БУ «Музей Природы и Человека» (г. Ханты-Мансийск); sobtn@mail.ru; тел. 8(902)85–25–231.

Кузина А.В.

Старший научный сотрудник отдела археологии БУ «Музей Природы и Человека» (г. Ханты-Мансийск); alekuzina@gmail.com; тел. 8(902)81–48–665.

Мухьярова А.Р.

Старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского педагогического университета (г. Сургут); adelinar771@gmail.com; тел. 8(922)65–91–776.

Нижняя Конда, согласно современному административному делению, занимает восточную часть Кондинского района. В XVIII – начале XX в. она находилась в составе Меньше-Кондинской ино-родческой волости Тобольского уезда Тобольской губернии [1, с. 25]. В литературе её иногда называют кратко – Меньшая/Малая Конда или Болчаровская волость [2; 3, с. 19; 4, с. 171]. В этнокультурном плане это была территория проживания хантыйского населения [5, с. 231–232], тогда как Средняя и Верхняя Конда являлись ареалом расселения манси. Условная граница между ними находилась между бывшими Ермаковскими и Есаульскими юртами [4, с. 172; 3, с. 31; 2, с. 33]. Благодаря близкому расположению к магистральным рекам – Иртышу и Оби, Нижняя Конда, в сравнении со Средней и Верхней, ранее всех подверглась влиянию русской культуры.

Кондинские ханты являются территориальной подгруппой южных или прииртышских ханты [5, с. 12]. К настоящему времени их традиционная культура и язык (диалект) фактически исчезли, так же как и большая часть юрт – селений, существовавших здесь 100–150 лет назад [6].

В XIX – начале XX в. в Меньше-Кондинской волости насчитывалось порядка 9–17 юрт [7, с. 12–13; 8, с. 29; 3, с. 43]. Информация об их расположении и названиях сохранилась на исторических картах. Документальные источники (материалы переписей, статистические издания и т.п.) в большей степени отражают социально-экономическую историю территории – количество дворов и жителей, демографические показатели, объёмы добычи рыбы, зверя, размеры

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства ХМАО – Югры в рамках научного проекта № 18-49-860008\19.

угодий, уплаченные налоги и т.п. В меньшей степени они позволяют получить представления о традиционной культуре кондинских ханты, укладе, быте, верованиях. Эти сведения сохранились, в основном, в путевых записях и трудах учёных, государственных служащих и краеведов, побывавших в нижнем течении Конды во второй половине XIX – начале XX в. В статье представлен краткий обзор и характеристика этого круга источников.

Первая научная экспедиция на территории Нижней Конды была проведена Г.Ф. Миллером в XVIII в. По его поручению в этот район отправился берёзовский служилый – Яков Кокоулин [4, с. 393]. На основе собранных им сведений, Г.Ф. Миллер написал небольшой историко-географический очерк под названием «Известия о реке Конде из устных рассказов различных осяков и vogulov, живущих на этой реке. 1740 г.».

Основной бум научно-исследовательских поездок на Конду приходится на вторую половину XIX – начало XX в. Наибольшую активность в этом плане проявляют финские и венгерские лингвисты и этнографы: А. Регули (март 1844 г.), К.А. Алквиист (1880 г.), К. Папай (1888 г.), Б. Мункачи (март 1888 – апрель 1889 г.), У.Т. Сиреулиус (январь-февраль 1900 г.), Х. Паасонен (август 1900 – май 1901 гг.), К.Ф. Карьялайнен (1898–1902 гг.) [9, с. 20–23, 28–34; 10, с. 24–25]. Из русских учёных экспедиции на Конде проводили: К.Д. Носилов и П.П. Инфантьев (март – май 1892 г.), С.К. Патканов (1887–1888 гг.), А.А. Дунин-Горкевич (июнь 1902 г.) [10, с. 24].

Территориально, большая часть исследований была приурочена к среднему и верхнему течению Конды и была связана с изучением культуры и языка кондинских манси. По мнению С.К. Патканова, это связано с тем, что «...юго-западная группа осяков, расселённая в Тобольском округе, не показалась им объектом, достойным исследования, т.к. здесь сильнее выражено обрусение и более, чем в других группах, утрачено этническое своеобразие» [2, с. 28]. Таким образом, к началу XX в. Нижняя Конда продолжала оставаться малоизученной, полной загадок и тайн, территорией, что и стало поводом для направления туда нескольких краеведческих экспедиций.

Одну из первых поездок по Конде от её устья до с. Леушинского совершил С. Шульгин [11]. Рукопись, в которой автор описывает путешествие, датирована 1 июля 1901 г., однако в самом тексте нет информации о том, когда именно состоялась поездка; скорее всего – летом этого же года. К сожалению, о личности С. Шульгина на данный момент ничего не известно. Судя по всему, он был служащим. На эту мысль наталкивают следующие моменты: в *тексте есть отсылки к официальной статистике, автор прекрасно ориентируется в местной среде* [11, л.2 об. 3]. *Примерно в это же время, в рамках служебной деятельности, краеведческими исследованиями занимался Л.Р. Шульц [3].* В первом десятилетии XX в. он работал частным землемером на участке Тобольского уезда, охватывавшем нижнее течение Иртыша [12, с. 113], в том числе – Меньше-Кондинскую волость. Согласно

«Отчёту консерватора Губернского Музея... за 1908 год», Л.Р. Шульц подарил Музею «целый ряд вещей», среди которых – образцы традиционных тканых изделий из крапивы производства кондинских остыков [13, с. 16]. В рукописи С. Шульгина и очерке Кондинского района Л.Р. Шульца содержатся разнообразные сведения о культуре, быте, местных традициях и промыслах кондинских ханты.

В 1908 г. группой политссыльных под руководством М.Г. Корсунского была осуществлена экспедиция на Конду по маршруту – с. Самарово – с. Нахрачинское – с. Реполово – г. Тобольск [14]. Выбор места поездки был не случайным: «...Житков указывал мне на Кондинский край как на совершенно неисследованный, и хоть не особенно влекли нас к себе болота лесотундровой полосы, мы решили последовать его совету...» [14, с. 234]. Во время путешествия участники экспедиции занимались геодезической съёмкой и вычерчиванием профиля Конды, сборами статистических данных, гербариями, образцов почв, проб воды и др. Кроме того, они обследовали несколько памятников археологии [14, с. 273, 286–287], а также занимались фотосъёмкой, в том числе и с целью заработка [14, с. 246, 285]. Несколько фотографий, на которых запечатлены сами путешественники в момент выезда экспедиции из с. Самарово, хранятся в фондах Музея Природы и Человека (рис. 1).

Рис. 1 Экспедиция политссыльных отправляется на Конду. Июнь 1908 г. Фото А.И. Галкина (из фондов Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск).

Тобольский губернский музей в 1910 г. снаряжает первую краеведческую «экскурсию» в низовья Конды, идеальным вдохновителем и руководителем которой стал В.Н. Пигнатти. Краткий отчёт об этой поездке, содержащий «личные впечатления общего характера», он опубликовал в «Ежегоднике Тобольского губернского музея»

[15, с. 1–15]. Одним из участников экспедиции был в то время начинаящий биолог Б.Н. Городков, также написавший несколько очерков по материалам проведённой «экскурсии» [16, с. 1–35; 17, с. 245–261]. К статье В.Н. Пигнatti приложена карта с маршрутом путешествия, на которой символом «х» отмечено три места, обозначающих археологическую «раскопку городка». Этот источник впоследствии был использован нами при проведении полевых работ [18, с. 27–31]. По итогам экспедиции 1910 г. в фонды губернского музея поступили богатые коллекции по археологии, этнографии, зоологии и другие материалы с территории Нижней Конды [19, с. 42].

Обобщая данные о научных и краеведческих экспедициях по Нижней Конде XIX – начала XX вв. можно отметить, что маршруты и сроки этих поездок были различны. Наиболее продолжительные исследования (в течение нескольких лет) провели на этой территории С.К. Патканов и К.Ф. Карьялайнен. Более месяца длились экспедиции В.Н. Пигнatti, М.Г. Корсунского, С. Шульгина. Самые кратковременные поездки в отдельные селения совершены А. Регули (с. Болчары), У.Т. Сирелиусом (юрты Пуштинские), К.Д. Носиловым и П.П. Инфантьевым (д. Красный Яр, с. Алтай). Большая часть поездок осуществлялась в летние месяцы по воде; зимние – были приурочены к почтовым трактам.

По итогам экспедиций на Конду практически все исследователи написали научные труды, статьи или заметки по изучаемым ими темам – лингвистике, фольклору, религиозным представлениям, традиционным промыслам. Среди них наиболее значительными произведениями являются «Иртышские остыки и их народная поэзия» С.К. Патканова [2] и «Религия югорских народов» К.Ф. Карьялайнена [20]. В контексте нашей темы большой интерес представляют, прежде всего, полевые материалы, или, как их называли раньше – путевые записи, дневники, которые велись непосредственно в экспедиции (это первичные исторические источники). В них фиксировались то, что учёные и краеведы видели своими глазами, их наблюдения, впечатления, информация, рассказанная местными жителями и т.д.

К данной категории материалов относятся рукописи С. Шульгина, М.Г. Корсунского, сохранившиеся в научном архиве Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (далее – ТГИАМЗ, прим. авт.). Фрагменты дневника были включены в очерки Б.Н. Городкова [16, с. 1–35; 17, с. 245–261]. К.Ф. Карьялайнен, на основе своих записей, составил «путевые записки», которые были переведены позднее на русский язык и опубликованы в журнале «Сибирские вопросы» [21].

Ничего не известно пока об экспедиционных дневниках С.К. Патканова, В.Н. Пигнatti, Л.Р. Шульца; возможно, они сохранились где-то в архивах. Но о том, что такие материалы существовали, косвенно свидетельствуют публикации исследователей, в которые, в качестве примеров, включены увиденные ситуации и наблюдения, описания селений и домов, конкретных людей, с которыми они общались.

В содержательном плане материалы экспедиций XIX – начала XX в. являются уникальными источниками по истории и культуре коренного населения Нижней Конды. В них представлены многоплановые сведения, прежде всего, по истории селений (юрт) кондинских ханты: от общего описания деревень до внутреннего обустройства домов и характеристики нравов их обитателей. Некоторые авторы в своих путевых записях не ограничивались простым описанием, а проводили параллели и аналогии с другими локальными группами ханты, а также манси. Например, Л.Р. Шульц в очерке о Кондинском крае подробно рассматривает особенности промыслового снаряжения вогулов, в сравнении с иртышскими и кондинскими осятками [3, с. 32].

В дневниковых записях содержатся подробные данные о путях сообщения, которые имели в низовьях Конды сезонную специфику. Особенно интересны сведения о существующих здесь традиционных маршрутах, по которым местные жители преодолевали обширные заболоченные пространства, и разного рода приспособлениях для сокращения расстояний – волоках, «перетасках» [21, с. 21; 11, л.1, л.1 об.; 17, с. 259–260; 3, с. 35].

Практически все исследователи и краеведы в своих материалах и публикациях отмечают, что традиционная культура кондинских ханты испытала на себе сильное воздействие русской культуры. Прежде всего, это отразилось на повседневном укладе жизни. Многие зафиксировали изменения в домостроительстве, например, М.Г. Корсунский: «Красноярские юрты, центр чистых осятков, могут легко конкурировать с любой русской деревней. Дома высокие, почти все двухэтажные, имеют вид домов любой сибирской деревни в каком угодно месте. Те же резные узоры на окнах, те же пристройки <...>, завозни, стаи и почти та же чистота в хозяйстве» [14, с. 266–267]. В.Н. Пигнатти, в свою очередь, отмечал перемены во внешнем облике: «Одежда – фабричная: русская косоворотка, пиджак, бродни... Все покупное, все чужое... Старухи берегут еще расшитые бисером кафтаны, тяжёлые рубахи с вычурными замысловатыми узорами, бисерные украшения...» [15, с. 12]. Описывая вечеринку молодёжи в д. Красноярской, К.Ф. Карьялайнен также отмечал, что все юноши и девушки были одеты в русские фабричные изделия и танцевали уже по-новому. Только один старец, по просьбе гостя, исполнил осяткий танец «...отличающийся от русского медленным темпом и более спокойными телодвижениями и ещё тем, что танцующий закрывал голову и часть лица шалью» [21, с. 32–33].

Русское влияние присутствовало даже в таких удалённых селениях Меньше-Кондинской волости как Нюркоевые юрты, находящиеся на значительном удалении от Конды. «В юртах Нюркоевых, расположенных далеко в сторону от реки Конды, крапивное производство сохранилось бы, вероятно, и доселе, но зажиточное население этих юрт, имеющее обширные рыбные промыслы (сырковые озёра), ранее других осятков стало покупать русский мануфактурный товар»

[22, с. 52–53]. Впрочем, это объясняется тем, что через д. Нюркой проходил просёлочный тракт до Берёзовского уезда [11, л. 1 об.].

Новшества в XIX – начале XX вв. затрагивали не только сферу быта, но и сам традиционный уклад жизни кондинских ханты. Например, путешественников, останавливавшихся в юртах Красноярских, удивляло, что многие жители обучены грамоте. В качестве причины этого упоминается «старый солдат», поделившийся знанием письма с населением юрт [2, с. 71; 23, с. 193; 21, с. 36–37; 14, с. 270]. По мнению К.Ф. Карьялайнена, жители Красного Яра осознавали пользу владения письмом, чтением и арифметикой. Однако уже в 1908 г. М.Г. Корсунский отмечает: «...теперь вера в чтение, как в средство приобретения материальных благ и сопротивления обману, угасла, и снова годами никто не обучает детей, у грамотных отцов сплошь да рядом неграмотные дети» [14, с. 270].

В целом, изменения традиционного уклада оценивались негативно как путешественниками, так и самими хантами. По этому поводу интересное наблюдение зафиксировано К.Ф. Карьялайненом: «...остяцкие семьи в старые времена были очень многочисленны. Детей воспитывали «в страхе и наказании». Один старик [в юртах Красноярских – прим. авт.] говорил мне, что даже в сорок лет он не смел курить в присутствии старших, а о пьянстве нельзя было и думать... Слову отца надо было беспрекословно повиноваться...» [21, с. 27].

Кроме того, в среде кондинских ханты в это время уже выделились предприимчивые люди, которые, наряду с русскими, активно занимались торговлей. С такими персонажами (И.П. Пахтышевым – в юртах Красноярских, А.Д. Нялиным – в селе Болчарском) познакомились во время поездок по Нижней Конде многие путешественники. К.Ф. Карьялайнен, останавливавшийся у «зажиточного домохозяина» И.П. Пахтышева, в своих записях подробно описывает, как он торговался с ним по поводу оплаты жилья [21, с. 25–26]. Позднее с ним же встречался М.Г. Корсунский и отметил в своём дневнике, что у И.П. Пахтышева имеется книга посетителей, которую он ведёт на «светский манер», записывая туда приезжих. Там «...значатся финский путешественник Карьялайнен, какой-то венгерский учёный из Будапешта и из русских К.Д. Носилов и, если не ошибаюсь, Патканов» [14, с. 272–273].

В материалах экспедиций есть сведения о смешанных браках между хантами и русскими. При этом не только русские брали в жёны остячек, но и остяки женились на русских. Б.Н. Городков пишет, что «Крестьянки прииртышских селений довольно охотно идут за остяков (Нижней Конды – прим. авт.), так как те, владеющие обширными вотчинами, совершенно справедливо считаются людьми зажиточными» [17, с. 253].

В меньшей степени влияние русской культуры коснулось промыслов [17, с. 253]. Многие отмечали, что напротив, русское население, обосновавшееся на Конде, вместо земледелия и скотоводства, которые здесь были очень затруднительны в силу природных условий,

постепенно осваивают рыболовство и охоту, кедровый промысел и сбор брусники [11, л.4; 17, с. 253]. В кратком отчёте В.Н. Пигнини описываются охотничьи «метины» в виде кольев и зарубов на соснах, которые он наблюдал около низне-кондинских селений [15, с. 9].

Из других традиционных промыслов, экспедиции XIX – начала XX вв. зафиксировали крапивное ткачество, которое ещё сохранилось здесь к тому времени. В.Н. Пигнини и его коллегам в юртах Красноярских удалось «... приобрести для Тобольского музея орудия, употребляемые при этом производстве, и образцы самого полотна», а также «со слов тамошней жительницы-остячки» записать способ изготовления крапивного полотна [17, с. 258]. Образцы одежды с вышивкой и женских украшений были собраны С.К. Паткановым, В.Н. Пигнини, С. Шульцем [24, с. 202; 25, с. 13, 15; 13, с. 16]; они и сегодня хранятся в музеях Тобольска и Санкт-Петербурга. По большому счету, именно благодаря исследователям, эти предметы сохранились хотя бы в виде музейных экспонатов.

По материалам экспедиций XIX – начала ХХ вв. можно сделать вывод о том, что изменения почти не коснулись традиций, связанных с нематериальной культурой – свадебной, похоронной обрядности, религиозных представлений и ритуалов [11, л.8–9; 15, с. 11; 17, с. 250–252]. Последние, несмотря на христианизацию, оказались особенно живучи на Конде. Авторами приводятся разнообразные данные о священных местах, жертвенных амбарах кондинских ханты. Наиболее полная информация по религии и фольклору была собрана С.К. Паткановым, К.Ф. Карьялайненом [2; 20]. Благодаря последним, сохранилось такое уникальное наследие нематериальной культуры южных ханты как героический эпос.

Тем не менее, и в этой сфере уже наблюдалась трансформация традиций. Кондинские ханты постепенно переходили на русский язык, праздновали Масленицу и другие христианские праздники [21, с. 30–31]. В юртах Красноярских С. Шульгину удалось приобрести несколько старинных монет: «Монеты эти, как говорят сами остыаки, разошлись по рукам из амбарчиков, где они служили прикладом разным тонхам» [11, л.16 об.-л.17]. Фактически на Нижней Конде носителями старых верований и религиозных традиций остались отдельные люди: смотрители священных мест – «старосты общественных амбарчиков» [11, л.5 об.], а также, старики-сказители. Эти пожилые люди пользовались большим почтением в глазах кондинских ханты и не только. Б.Н. Городков пишет о том, что многие из живущих здесь русских «...считают, что шаманы и гадалки остыакие действительно «что-то знают» [17, с. 251].

Именно таких людей пытались найти и встретиться с ними участники экспедиций. В.Н. Пигнини был наслышан о старице Фоке – сказителе остыаком из юрт Алтаевских [15, с. 15]. С. Шульгин надеялся на встречу со знатоком-сказителем в юртах Каменских: «... мне очень хотелось повидать одного старого остыака, который, как говорят, знает много старинных остыакских песен, былин, сказаний

и легенд, но старик, во время моего проезда, был, к сожалению, болен» [11, л. 16]. Несмотря на несостоявшуюся встречу, у кондинских остыков С. Шульгину удалось записать две былины (*про богатырей города Эмдера и о богатыре Байболе*) [11, л. 12, л. 17, л. 17 об.]. Ещё одно предание он записал в vogульском селении – Нахачинском (о князе Нахраче) [11, л. 30 об.].

Подводя итог, ещё раз хочется отметить, что материалы экспедиций XIX – начала XX вв. являются уникальными историческими источниками (в некоторых случаях – единственными) по истории и традиционной культуре кондинских ханты. Помимо научной ценности, полевые материалы, в силу особенностей жанра, отражения в них личных впечатлений от местной природы, населения и его традиций, представляют большой интерес для краеведческих исследований и музейной деятельности. Особое значение в этом плане могут иметь визуальные образы Нижней Конды, запечатленные М.Г. Корсунским и В.Н. Пигнатти на фотографиях. Среди них – серия портретов местных жителей Нижней Конды, виды селений, местного ландшафта. Все они хранятся в фонде ТГИАМЗ.

Список источников и литературы:

1. Кондинский край XVI – начала ХХ в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2006. 388 с.
2. Патканов С.К. Иртышские остыки и их народная поэзия. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Остяцкая молитва. Тюмень: Предприниматель Ю. Л. Мандрика, 1999. 399 с.
3. Шульц Л.Р. Очерк Кондинского района // Урал: Технико-экономический сборник. Вып. 8, ч. 1: Уральский Север. Свердловск, 1926. – с. 19–57.
4. Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2006. 416 с.
5. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: ИАЭ РАН, 1998. 236 с.
6. Мартынова Е.П. Ханты: этническая и социальная структура в XVII – начале XX в. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. Режим доступа: URL: <http://cheloveknauka.com/hanty> (дата обращения: 16.02.2020).
7. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). В 3 т. Т. 2. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. Санкт-Петербург, 1911. 431 с.
8. Список населённых мест Тобольской губернии / Сост. Губ. Стат. Ком., по распоряжению Г. Тоб. Губернатора, по сведениям, доставленным вол. правл. В 1903 г. и проверенным с переписным материалом. Тобольск: Губернская типография, 1904. 341 с.

9. Волдина Т.В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 258 с.
10. Атлас Ханты-Мансийского автономного округа–Югры. Том I. История. Население. Экономика. Ханты-Мансийск; Москва: ГП «Полиграфист», 2006. 152 с.
11. Шульгин С. Кондинский край // Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Д. 75.
12. Коновалова Е.Н. Книга Тобольской губернии. 1790–1917 гг. Сводный каталог местных изданий. Новосибирск, 2006. 528 с.
13. Пигнатти В.Н. Отчёт консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций за 1908 год // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1908. Вып. XVIII. С. 12–20.
14. Корсунский М.Г. Очерк экскурсии на Конду летом 1908 года // Подорожник: Краеведческий альманах. Вып. 5. Тюмень: Мандр и К^а, 2005. С. 232–318.
15. Пигнатти В.Н. Краткое сообщение о поездке на реку Конду (М. Кондинская волость, Тобольского уезда) летом 1910 // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1910. Вып. XX. С. 1–15.
16. Городков Б.Н. Очерк растительности низовьев реки Конды // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1910. Вып. XX. С. 1–35.
17. Городков Б.Н. Река Конда (Извлечение) // Кондинский край XVI – начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 245–261.
18. Собольникова Т.Н., Кузина А.В. Экспедиция Тобольского губернского музея на Конду: история с продолжением // Сибирские татары: материалы Всерос. (с междунар. участием) симп. «Культур. наследие народов Зап. Сибири» (10–12 декабря 2018 г.). Тобольск: Тобольская типография, 2019. С. 25–32.
19. Тобольский губернский музей за 25 лет его существования (1890–1915 гг.) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1915. Вып. XXV. С. 1–131.
20. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. и публикация Н.В. Лукиной. В 3 т. Томск: изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 1. 151 с.; 1995. Т. 2. 284 с.; 1996. Т. 3. 264 с.
21. У осяков. Путевые записки К.Ф. Карьялайнена (Пер. с финского В. Болотова) // Сибирские вопросы. № 45–46. СПб: Типография Альтшулера, 1911. С. 20–38.
22. Изделия осяков Тобольской губернии. Этнографическая коллекция Тобольского Губернского Музея на первой Западно-Сибирской выставке в г. Омск. Объяснительный

- указатель к коллекции // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1909. Вып. XIX. С. 1–136.
23. Инфантьев П.П. Путешествие в страну vogulov. СПб: Издание Н.В. Ельманова, 1910. 199 с.
 24. Клюева Н.И., Михайлова Е.А. Каталог съёмных украшений народов Сибири (по коллекциям МАЭ) // Материальная и духовная культура народов Сибири: сб. Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1988. Т. 42. С. 195–208.
 25. Пигнатти В.Н. Отчёт консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций за 1910 год // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1910. Вып. XX. С. 12–15.